

ЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЕК

№ 43 (4474) ОКТЯБРЬ 1996

**НФС: воруют все
по примеру начальства**

Стр. 8

«Звездные
войны» — 96
Стр. 50

Армани заявил:

«Мода умерла!»

Версаче откликнулся:

«Пусть не путает личное
и общественное»

Стр. 48

Топ-модель
Ева Херцигова

Украинские танки брали Кабул

Стр. 24

ДОСУГИ

Неделя италь последнее прости

В Милане прошла Неделя итальянской моды, на которой 355 домов моды представили свои коллекции «весна — лето-97».

В Милан модельеры и «плеи» из 25 тысяч представителей магазинов моды и нескольких тысяч журналистов со всего мира переехали из Флоренции. Там несколькими днями раньше открылась уникальная и, возможно, самая дорогая в истории моды выставка «Время и мода»: впервые модельеры показывали свои работы в крупнейших музеях искусств. Армани выставлял свои эскизы и костюмы среди античных статуй в галерее Уффици, Ферре — в капелле Медичи, Джон Гальяно — в доме-музее Буонарроти, Ив Сен-Лоран — в зале Джильи в Палаццо Веккьо, Валентино — в Галерее Академии художеств. Более рациональные союзы модельеров и художников были представлены в павильонах геометрических форм, построенных японским архитектором Арата Исозаки на холме Форте Бельведер. Модели Версаче уместно смотрелись на фоне картин Роя Лихтенштейна, Лагерфельд и Прада — рядом с Тони Грэггом и Дэниелом Херстом. Впрочем, и это внешне вполне гармоничное соседство звучных имен поп-культуры вызвало множество споров. Считать ли венецианскую выставку признанием того, что мода и кутюрье заняли в обществе столь же высокое, как подлинное искусство, место? Или же наоборот — мода наконец возобладала над искусством и модельеры могут за 20 миллионов долларов «кушать» себе интерьер, в котором их работы будут «звучать», что, собственно, и является целью всякого модного шоу.

Накануне открытия выставки на презентации своего нового магазина в Нью-Йорке Джорджио Армани зая-

вил: «Мода умерла!» Версаче мгновенно откликнулся из Милана: «Пугает личное и общественное. И тем не менее продолжает открывать новые магазины». У многих сложилось впечатление, что эта полемика была специально затеяна, чтобы создать побольше ажиотажа вокруг выставки, однако после того как во Флоренции мэтры уточнили свои позиции — Версаче: «Я не художник, я всего лишь шью одежду», Армани: «Мода умерла в том смысле, что она уже не диктует людям, как им надо одеваться», — стало ясно, что мода и в самом деле распадается на свободное искусство и функциональную кройку и шитье. Миланская же Неделя убедила, что вслед за модельерами свой выбор придется делать и тем, кто до сего дня считал, что должен одеваться по моде.

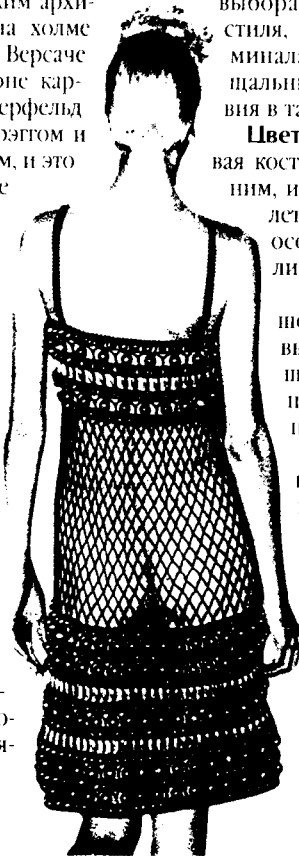
Тем не менее Неделя итальянской моды, констатировавшая, что отныне женщине предоставлена полная свобода выбора собственного имиджа и стиля, своей тональностью напоминала не разрыв, а скорее прощальный бал. Последние напутствия в такой ситуации неизбежны.

Цвета будущего года — слоновая кость или красный с темно-синим, иногда с бирюзовым и фиолетовым. Для экстравагантных особ — кричащий красный, лимонный, фиштактовый.

Ткани — джерси и шифон, шелк, лен, эластичные вуалевые, горжет с тончайшей вышивкой. Игра на контрасте прозрачных тканей с более плотными.

Новинка будущего сезона — напоминающие одевания женщин Боттичелли платья-комбинации из легчайших прозрачных тканей с едва заметными декоративными аппликациями или вышивкой там, где этого пока еще требует мораль.

ДЖАНФРАНКО ФЕРРЕ представил новое поко-

ЯНСКОЙ МОДЫ:

Цвета 1997 года — слоновая кость с темно-синим, иногда с бирюзовым и фиолетовым. Для экстравагантных особ — ярко красный, лимонный, фисташковый

лене джинсов, выполненных из шелка, которые носят с льняными пиджаками, а также длинные расклешенные кюлоты рубашки из тонкой тафты, которые носят не то что без пиджаков, но и без брюк или юбок. Цвета — нейтральные.

ГУЧЧИ выпустил на подиум совершенно одинаково одетых мужчин и женщин, вновь предлагая «unisex». В награду за победу в борьбе за равноправие женщинам предложено вечернее платье прямого силуэта из эластичных прозрачных тканей. Доминирующий цвет — коричневый с редким вкраплением синего и черного.

НИКОЛА ТРУССАРДИ вновь использует

свой любимый материал — кожу тончайшей выделки, кажущуюся шелком. Доминирующий цвет — благородный коричневый холодного оттенка и все вариации натуральных цветов.

Только АРМАНИ обошелся без лишнего слов — умерла, так умерла. На сцене Дженифер Телли повторила последнюю сцену из кинца с прощальным названием «Армания Спасения», героиня которого изобретательно рискует жизнью из-за одетых на нее абсурдных модных платьев, но внезапно появляются элегантные сапожники, которые спасают ее, переодевая с ног до головы в одежду от Армани.

ОГОНЕК

БЛИЦ — Никола ТРУССАРДИ

В Милане про детей состоятельных родителей и получивших хорошее воспитание говорят «родился с ногами в тепле». Никола Труссарди родился в Бергамо во время второй мировой войны «в тепле» семейного предприятия, основанного его дедушкой в 1910 году. Предприятие производило обыкновенные перчатки для армии и элегантные для модников. Окончив университет по специальности экономика, возглавил фабрику дедушки Данте.

— Как быстро вы добились успеха в моде и каким образом?

— Довольно быстро, потому что то, что я создавал и производил, было новым, отличающимся от всех остальных стилей, то есть модным.

— Считаете ли вы, что мода — падчерица искусства и оттого страдает комплексом неполноценности?

— Я считаю, что мода — одна из форм прикладного искусства. Она является искусством в тот момент, когда модельер думает о формах, цвете, материале, создавая нечто новое, что становится прикладным, когда наступает время привести нечто созданное творчески к тому виду, когда оно может быть повторено в промышленной серии. Мода живет за счет того, что чисто творческое мышление может найти компромисс с требованиями рынка.

— Дружны ли модельеры между собой или же соперничество между ними непреодолимо?

— Существует и дружба, и соперничество. Соперничество важнее, потому что стимулирует сильнее.

— Вы создаете коллекции самостоятельно или у вас есть помощники, как у художников эпохи Возрождения?

— У меня есть группа творческих сотрудников, всего 25 человек.

— Это правда, что модельеры, достигнув славы, практически перестают творить и берут на себя роль «экзаменатора»?

— Скажем так, что с развитием предприятия растут и заботы. Поэтому модельер на этом этапе успевает только сформулировать первую идею, дать ей творческий толчок.

Лолита ТИМОФЕЕВА

Точка зрения	3	Наука и техника	
Фото номера	4	Аркадий Соснов Почем ноу-хау?	37
Тема номера		Виктор Беляев Не ударь в воду лицом!	38
СПРУТ	8	Публикации	
		Другая жизнь Анны Гринберг	40
		Культура	
		Браво! Октябрь	44
		Досуги	
		Вкусные рассказы Вильяма Похлебкина	46
		Лолита Тимофеева Неделя итальянской моды: последнее «прости»	48
		Mass media	
		Иван Засурский «Звездные войны»	50
		За рубежом	
Панорама	14	Владимир Симонов Кардинальская митра в жертву любви	52
Российская политика		Добрый вечер	
Лариса Кудрявцева Классики и современники	20	Лолита Тимофеева Марчелло Мastroяни: «В жизни все было по-другому»	54
Алексей Олегов Лукшаненко метит в президенты России	22		
Кто воюет в Афганистане?	24		
Елена Болдырева Пособие для начинающих	25		
Экономика			
Марина Шакина Егор Гайдар: наш вороватый капитализм	26		
Из первых рук			
Георгий Рожнов Полицейский из России	28		
Преступность			
Стас Артемов Горел «Рибок» синим пламенем	31	По звездному признаку	56
Золотая середина	32	Спорт	
Частная жизнь		Наталья Мухина Хиллова победа	58
Галина Мурсалиева Никита Высоцкий: долгое узнавание отца	34	Анекдоты Кроссворд	60

Хичкок русской живописи

«Княжна Тараканова». Картина художника
Константина ФЛАВИЦКОГО. 1864 год
(смотрите на стр. 32—33)

Константин Флавицкий был надеждой Российской академии художеств, переживавшей в 60-е годы прошлого века жестокий кризис. Исторические и мифологические сюжеты стали скучны, людей интересовали реалии улицы. Мелодраматическое обаяние Карла Брюллова, под которым находилось официальное искусство все «николаевское» время, себя исчерпало. Требовались иные ходы.

«Княжна Тараканова» была сильным художественным жестом, высоко оцененным не только академической средой, но и критиками-демократами (например Стасовым). А по простоте полувека самый строгий судия русской живописи Александр Бенуа тоже не отказал «Таракановой» в трогательности.

...Между тем картина и на самом деле совершенно выдающаяся. Все ее достоинства можно оценить только сейчас, после опыта современного кинематографа, хичкокковского ужаса и спилберговского «Индианы Джонса». Способность развлекать и пугать одновременно воспринимается нами сегодня как безусловный талант. Флавицкий — единственный художник во всей трехсотлетней истории русской живописи, который только и смог по-настоящему испугать. Никто, кроме него, не придумал такого сюжета, чтобы в нем предчувствие кошмара было убедительно и очевидно.

Флавицкий разработал мизансцену с редким старанием. Полумрак, драматический свет, потоки воды, решетки на окне, хрупкая женщина. Тупик, неминуемая смерть. Даже крысу не забыл подвинуть ближе к красивому платью княжны. Наличие животного на историческом полотне было, кстати, большой вольностью, почти революционным нововведением. Крыса, конечно, стала редкой удачей, последним штрихом, не оставляющим сомнений — случится страшное.

В 1866 году, через пару лет после окончания «Княжны Таракановой», в возрасте тридцати шести лет Флавицкий умер. Вне сомнения, академическая живопись с его смертью многое потеряла.

■ Людмила ЛУНИНА

Смотрите
26 октября,
в субботу,
в 11.40.
«История
одного
шедевра»

Имена

— Располагайтесь. О-о... эти интервью.

— Я вас прекрасно понимаю. Постараюсь не задавать глупых вопросов.

— Даже если не будете задавать глупые вопросы, что особенного можно выспросить у актера?

— Скажите для начала, вы считаете себя человеком искусства? Вы любите живопись, поэзию, литературу, театр?

— Скажу правду. Я люблю только свою профессию — профессию актера. В театр не хожу, кино не смотрю, музеи не посещаю. Возможно, я ограниченный человек. Наверное, я не богат духовно. Несмотря на то, что среди моих родственников есть известные скульпторы, художники.

— Да, ваш дядя, скульптор Умберто Мастроянни, особенно известен.

— Вот и не знаю... И к музыке я никогда не был особенно чувствителен. Возможно, причина всего этого в том, что я всегда очень много работал. Я сыграл в 160 фильмах. Это значит, что я ни на минуту не остановился. Играть — единственное, что меня возбуждает, заставляет чувствовать себя живым. Что касается остального, да, могу оценить картину, но так..., без особых знаний в живописи. Могу оценить хороший роман, но читатель я средний. Я не испытываю особой жадности к чтению. Игра на театральной сцене меня очень развлекает. Я всегда говорю: в театре развлекаюсь я! И как только публике не надоест слушать часами болтовню актеров. Ля, ля, ля... Я бы заснул.

— Свои фильмы вы пересматриваете?

— Нет, мои фильмы меня интересуют меньше всего, потому что, когда фильм снят — это как любовь, которая закончилась. Пересматривать? Да нет, я же знаю, как это было сделано. Не страдаю нездоровым любопытством увидеть себя вновь на экране. Мы, актеры — немного пуганы, всегда направлены на новую любовь.

— Человека с таким богатым прошлым, как вы, в объятиях которого побывали самые красивые женщины из мира кино, что еще, кроме вашей работы, может радовать, поражать?

— Мои дочери! Это две мои самые большие любви. Потому что дети в конце концов от нас многого не требуют. Судят нас, конечно. Но достаточно великодушны и терпеливы, чтобы понять нас. И поэтому, можно сказать, дети — самая главная моя любовь, с ними я никогда не ругаюсь, не ссорюсь.

— О вас говорят, что вы человек по характеру ленивый. И что в отношениях с женщинами вы были чаще жертвой, чем завоевателем.

Марчелло МАСТРОЯННИ: «В жизни все было по-другому»

Великий артист дал интервью специально для «Огонька»

Софи Лорен
и Марчелло Мастроянни, 1976

— Ну нет... В фильмах — может быть, но в жизни было по-другому...

— **Чувствуете себя должником по отношению к женщинам, которые вас любили?**

— Да, признаюсь, я больше получал любви, чем давал. Актеры вообще очень избалованные люди, они привыкли постоянно находиться в центре внимания, привыкли быть любимыми всеми. Может быть, поэтому они менее других способны любить. Именно поэтому, наверное, мне пару раз даже дали отставку. Потому что, да, давать, давать... Всему есть предел.

— **Есть ли женщина, которая оставила неизгладимый след в вашей жизни?**

— Нет...

— Нет?!

— Может быть, моя мать. Я вспоминаю ее с неизменным восхищением и любовью. Потому что она была скромной женщиной, много страдала и очень много работала. И дарила мне свою любовь, не прося ничего взамен... Но я не хотел бы, чтобы обо мне думали, как о классическом итальянском маминном сыночке. Итальянцы действительно маменькины сынки, но ко мне это не относится. Я никогда не прятался за мамину юбку. Сейчас мне стыдно, что не дал ей больше радости, больше счастья. Всегда находились причины, чтобы забыть навещать ее. Могу бы хоть раз сводить ее в ресторан, как это было бы прекрасно... Да, я был эгоистом.

— **Женщины, которых вы любили, были похожи на вашу маму?**

— Да. Мужчины, как правило, ищут в женщине опору, защиту. Они в некотором смысле инфантильнее женщин. А уж актеры тем более. Если бы мы не были инфантильными, неужели, вы думаете, можно было в 70-летнем возрасте продолжать с чувством говорить на сцене: «Я вас люблю! Я вас люблю!» Вы представляете в такой ситуации дантиста или инженера! Они не смогли бы, не сумели бы! Потому что у них другая степень зрелости. А так как актер остается всегда ребенком, может продолжать говорить эти глупости, потому что это — игра. Очень детская игра.

— **Вы полагаете, что ваша карьера — ваша судьба? Все ваши успехи были predeterminedены?**

— Ну нет, мне пришлось много трудиться, чтобы достичь чего-то. Я начал играть в 11 лет. В те времена почти при всех церквях были маленькие театры. Потом — в школе. Потом во время учебы в Римском университете, где я изучал архитектуру. Я входил в группу студентов, интересующихся театром. Именно там меня заметили и пригласили в са-

мую известную труппу, которая существовала в те годы, под руководством Лукино Висконти. В этом, несомненно, мне очень повезло. Хотя моя театральная карьера была очень короткой, я всем обязан именно театру.

— **У вас никогда не было желания написать сценарий, попробовать себя как режиссер?**

— Нет... нет, нет. Мне достаточно быть актером. Чтобы быть режиссером, нужно прилагать нечеловеческие усилия. Для начала нужно убедить самого себя в том, что ты очень умный и талантливый. Потом — убедить жену или подругу жизни, потому что они обычно другого мнения. Потом — убедить продюсера и жену продюсера. Потом — дистрибьютора, его жену, иногда и его любовницу. Потом нужно убедить публику. Нужно иметь чудовищную веру в себя. В наши дни, когда существует телевидение, от которого люди катастрофически глупеют, это предприятие еще сложнее.

— **Могу вам задать страшный вопрос?**

— Попробуйте.

— **Смерть: вы о ней часто думаете?**

— Да, да. И мне она совершенно не нравится.

— **Бойтесь?**

— Конечно. Бойсь, потому что я не знаю, что значит умереть, как говорит мой персонаж, которого я сейчас играю в театре.

— **Вы думаете о смерти именно так, как думает ваш герой?**

— Да, я всегда так думал об этом. Потому что мне хотелось бы жить, сколько мне угодно...

— **Если умирать, то как? На сцене?**

— Нет, это было бы слишком театрально. Заснуть бы в собственной кровати и больше не проснуться... Чтобы не было времени понять, что умираешь. Раз — и все! Я всегда говорю этому седобородому наверху: оставь ты меня в покое! Хотелось бы, когда надоест жить, самому повернуть выключатель и исчезнуть в темноте. Так нет же! К сожалению, так не может быть. Нужно умирать. Нужно, чтобы люди менялись. Один умирает, другой рождается... Это закон природы. Но я очень цепляюсь за жизнь, потому что жить мне нравится. Мне нравятся люди, нравится природа, нравятся друзья. Я не религиозный человек, моя религия — любить жизнь! Мне кажется, это выражение религиозности. И намного глубже, чем моление перед иконами.

— **Эти белые розы на трюмо — подарки мужчиной или женщиной?**

— Одной журналисткой... которой я не дал интервью.

— **Я пришла без цветов...**

— И хорошо сделали.

— **Не буду больше красть ваше время. Спасибо.**

— Уже 8.15, я должен готовиться к выходу на сцену. Так что знайте — вам со мной повезло. В порядке исключения.

■ Беседу вела

Лолита ТИМОФЕЕВА

Брижит Бардо и Марчелло Мастоияни, 1961

